

Борис Кацель

*Из книги «Из ада к спасению: Воспоминания о Холокосте»
Niwot, Colo. : University Press of Colorado, ©1998.*

Перевод с английского Рут Брашинской

Моя борьба за выживание в Вайвара

Одиссея в новый исправительно-трудовой лагерь, в конце концов, завершилась, и я стоял среди других заключенных на плацу, ожидая знакомой переключки. Я осматривался вокруг. Это была изолированная безлесная местность в самой северной части Эстонии без следов какой-либо цивилизации. Земля казалась неплодородной, с низким кустарником вокруг, и я недоумевал, насколько значительным и полезным может быть этот трудовой лагерь в таком пустынном месте. Когда я начал работать, я понял: в нескольких километрах от нашего лагеря находился стратегически важный железнодорожный узел с мастерскими по ремонту паровозов.

После быстрой переключки нас повели в бараки. У входа в барак каждый заключенный получил кусок хлеба, немного маргарина и миску горячего жидкого супа. Мы зашли в тускло освещенный барак, почти в 46 метров длины и 15 метров ширины. Часть барака была уже занята. С обеих сторон располагались двухэтажные нары с соломенными тюфяками, лежащими тесно друг к другу; это напоминало две длинные полки. Добраться до своего спального места можно было только протиснувшись от прохода. Барак отапливался двумя маленькими железными печками, которые топились углем. Трубы были выведены через крышу. Но этих печек было недостаточно для обогрева такого большого помещения. В центре барака было несколько длинных столов и

скамеек, где заключенные ели или могли общаться. Дневной свет попадал в барак только из двух крошечных окошек в обоих краях помещения. Света всегда не хватало, поэтому постоянно горело электричество.

Несколько заключенных, которые уже жили в нашем бараке, были дружелюбны и пытались помочь нам устроиться. Им не терпелось узнать, откуда мы. Город Рига был им знаком, т.к. большинство из них были из Польши. Их насильственно захватили в облаве в вильнюсском гетто и транспортировали в Вайвара. Некоторые из них даже участвовали в строительстве лагеря. Они рассказали нам, что этот барак был полностью занят, а несколько дней назад заключенных перевели в новый лагерь Эреда, в 20 км от Вайвара. Старые заключенные хотели продолжить разговор, но никто из нас не был в состоянии. Мы были рады, что наша поездка закончилась, и что мы оказались в тепле. Большинство наших голодных сотоварищей занялись своим горячим супом и мягким, вполне съедобным хлебом, но некоторые были так слабы, что едва ели свой скудный паек. Мы сгрудились вокруг печек для того, чтобы согреться, а затем выбрать место ночлега. Наше трио снова сумело остаться вместе: отец и я выбрали нижние полки, чтобы было легче на них забираться, а Борис занял место над нами. Между соломенными тюфяками не было пространства; каждый из нас лежал вплотную рядом с другим человеком. Каждое утро мы застилали свой тюфяк одеялом, чтобы отметить наши спальные места.

Я спал между отцом и среднего возраста мужчиной, который был настолько слаб, что с трудом заползал на свое место. Его усталое, изможденное лицо и тощее туловище казались знакомыми, но я не мог вспомнить, где я его видел. Мне было очень жалко его, и я знал, что он слишком изнурен, чтобы заботиться о себе, он даже не съел свою пайку хлеба. Он очень нуждался в помощи, и я пошел принести ему воды. Когда я вернулся, я спросил его: «Как вы себя чувствуете? Почему бы вам не съесть свой хлеб? Я принес вам воду». Он ответил низким голосом, заикаясь: «Я не хочу есть; я слишком изнурен. Мне просто надо отдохнуть». Я пытался покормить его хлебом. Я знал, что если он

не съест свой хлеб, кто-нибудь украдет его, пока он будет спать. Мне удалось уговорить его съесть хлеб с кружкой воды. Было приятно, что я смог помочь собрату-еврею, который очень в этом нуждался. Я укрылся тонким серым одеялом и очень быстро уснул.

Солнце еще не успело, как следует, взойти, как я услышал громкие голоса: «Вставайте все; все поднимайтесь с нар!» Я узнал, что «нары» - это лагерное название двухэтажных спальных мест. Это были голоса еврейских старост барака и их помощников. В их обязанности входило будить нас и содержать барак в порядке. Я встал с трудом. Мой отец, как всегда, был готов раньше всех. Он позвал: «Боря, поднимайся, время вставать». Мой кузен Борис тоже не торопился вставать, так что отец залез на верхние нары и велел ему поторопиться. Отец был готов к началу первого дня в этом новом трудовом лагере. Он начал давать нам свои первые распоряжения: «Борис, Боря, пошли умываться; пошли, получим наш кофе, пока он еще есть; нам надо поторопиться, чтобы успеть на утреннюю переключку». Мы с Борисом едва успели умыться, когда отец уже был готов направить нас к горячему кофе, который один из дневальных налил в наши железные миски. Наше трио сидело за одним из столов недалеко от горячей печки. Кусок хлеба из вчерашнего пайка и горячий кофе – это был наш завтрак.

В бараке было очень тесно т.к. все заключенные поднялись со своих нар почти одновременно. Люди пытались говорить как можно меньше, но все же было довольно шумно. Мы пытались почистить свою одежду после вчерашнего тяжелого марша. Все торопились допить свой кофе; до вечера больше ничего горячего никто не получит. Я заметил, что многие заключенные, как и мы, оставили небольшой кусочек хлеба на завтрак.

Утром самым трудным было одеться и обуться из-за тесноты и толкотни в бараке. Я привык к этому благодаря своему опыту в Кайзервальде и стал настоящим аспирантом в школе жизни концлагеря. Старожилы-заключенные

вели себя так, как будто они были главными в бараке и могли, поэтому, командовать новичками, а мы и не сопротивлялись.

Когда я слез со своих нар в то первое утро, мой сосед еще спал. Я толкнул его, чтобы разбудить, а потом ушел вместе с отцом и Борисом. Когда нам надо было уже уходить из барака, я заметил, что он все еще лежит на нарах. Я снова толкнул его, но он не отреагировал. Я стянул одеяло с его головы. Он был неподвижен, глаза были закрыты, и лицо ничего не выражало. Меня стало трясти, я понял, что спал рядом с трупом. Он умер во сне, а я не заметил. Все были готовы покинуть барак для утренней переключки, поэтому я быстро сказал одному из дневальных, что на нарах лежит мертвец. Дневальный беспечно сказал: «Я позабочусь о теле после того, как все уйдут на работу». Мой взволнованный голос не встревожил его; он привык иметь дело с мертвыми.

Я вышел из сравнительно теплого барака на воздух, где была минусовая температура. Легкий снег покрывал замерзшую землю на плацу, где нас выстроили на утреннюю переключку. Я обратил внимание, что кроме мужчин в лагере был большой контингент женщин. Их доставили из вильнюсского гетто. Большинство из них работало в помещениях, занимаясь уборкой в казармах немцев или работая в лагерной кухне или на складах. Немецкий начальник лагеря – эсэсовец и лагерный еврейский староста быстро провели переключку, и нескольким сотням заключенных позволили разойтись. Заключенные-старожилы ушли на работу организованными группами во главе с бригадирами, а вновь прибывшие заключенные остались стоять кучками, ожидая назначения в рабочие группы. Помимо своего желания я видел костер, который использовался вместо крематория. Прошлой ночью огонь горел, и его языки поднимались высоко в небо, но к утру запах горелой плоти рассеялся. Несколько заключенных-евреев были готовы убрать старую золу и подготовить дрова для следующего костра. Костер горел во всю мощь каждый день, и этот день не был исключением. Несколько трупов уже были видны на дровах, которые подожгут с помощью бензина.

Весь лагерь состоял из нескольких бараков, расположенных в два ряда. Они использовались как жилье для заключенных, кухня, маленькая больница и контора администрации. Расстояние между двумя рядами бараков служило и главным лагерным проходом, и плацем. В центре находился колодец, который был основным источником воды для лагеря. Вся площадь лагеря была огорожена высоким забором из колючей проволоки. Широкие ворота охраняли эстонские солдаты. Управляли лагерем немецкие офицеры-эсэсовцы, поэтому охранники особой власти над населением лагеря не имели. Они отвечали за безопасность лагеря и его окрестностей, но главной силой в Вайвара была военно-строительная организация Тодт, члены которой присутствовали в каждой рабочей группе в качестве бригадиров или инженеров проекта.

Тодт была полувоенной организацией – частью нацистской партии, которая получила свое название от д-ра Фрица Тодта, выдающегося организатора и инженера, погибшего в авиакатастрофе в 1942 г. Он был строителем немецкой защитной западной стены, известной большинству людей как линия Зигфрида, находящейся напротив широко известной французской линии Мажино. Тодт стоял во главе германской строительной индустрии и был преданным членом нацистской партии. Его «Организация Тодт» отвечала за строительство дорог и других сооружений в оккупированных нацистами странах – на самом деле – за немецкую программу принудительного труда. Члены Тодт были одеты в зеленую военную форму со своими отличительными знаками, но оружия не носили. Я не мог установить, были эти люди добровольцами, или их призвали помочь нацистской Германии; большинство из них были намного старше призывного возраста.

Наш транспорт, состоявший из пятисот мужчин, был разделен на несколько рабочих групп. Мы с отцом и Борисом держались вместе, и попали в колонну из 50 человек. Под руководством нескольких тодтовцев наша группа покинула лагерь. Мне было трудно идти, т.к. моя обувь все еще была в грязи. На мне были дедушкины сапоги. По ровной замерзшей земле в них идти еще можно было. Меньше чем за два километра от лагерных ворот мы остановились

у железнодорожных путей. Я видел впереди высокое здание рядом с водокачкой. Все проходящие паровозы останавливались там, чтобы залить воду. На путях стояло несколько платформ, нагруженных большими стальными балками, доставленными из Советского Союза, где немцы демонтировали и грабили советские промышленные предприятия. Нас разделили на группы по 10 человек на платформу. Каждая железная балка была длиной от 3 до 6 метров и весила несколько тонн. Надо было освободить платформы от тяжелого груза и перенести его в открытое поле. Человек не мог выполнить такое задание в одиночку; так как никаких рабочих инструментов не было, все должно было быть сделано вручную. Эта тяжелая работа требовала скоординированных усилий всех десяти человек. Ответственный за нас член Годта покинул рабочее место, не сказав нам, как разгружать это железо.

Мы напрасно ждали его возвращения, и отец решил подумать, как выполнить работу. Он хотел быть в хороших отношениях со своим новым немецким хозяином, как будто возможно было еврею быть в хороших отношениях с нацистом. Отец показал каждому из членов бригады их места на разных позициях вдоль железной балки. Когда все заняли свои места, отец подавал сигнал, когда пора поднимать балку, когда останавливаться и когда двигаться. Все движения должны были быть выполнены абсолютно синхронно, и все работали в полную силу, чтобы успешно справиться с заданием. Когда тяжесть была поднята с платформ, были даны дополнительные инструкции, когда бросить ее на землю. Любая оплошность хотя бы одного человека могла привести к катастрофе или серьезному ранению рабочих, что, в свою очередь, значило бы верную смерть людей в нашем трудовом лагере. Чтобы избежать такой ситуации, в то время, пока мы держали тяжелую стальную балку, каждый повторял инструкции, позволявшие понять, что надо делать, и давали силы быть осторожными и действовать ответственно. Эти инструкции звучали приблизительно так: «Поднимай спереди; держи сбоку, поднимай сзади; не опускай; держи; давайте двигаться; сзади опускаем; поднимайте медленно правую сторону; опускайте; медленно, медленно».

Некоторым заключенным было трудно приладиться к физической работе, и их часто приходилось упрекать в том, что они не принимают достаточного участия в напряженном подъеме тяжести вместе со всеми. Для многих было очень трудно справиться с морозом и тяжелым весом стали. Трудный переезд из Риги в Вайвара, недоедание привели их к потере сил. Я иногда думал, что эти люди, возможно, не переживут сурового климата или ужасов лагерной жизни. Грустно признавать, что наша тройка была среди немногих здоровых людей в бригаде.

Наш начальник, тодтовец, показывался часто, чтобы проверить, как мы работаем. Иногда он кричал на нас, если мы работали медленно. И хотя на улице было морозно, мы потели от работы. Все хотели показать себя с лучшей стороны в первый день. В полдень приехал грузовик с большим бидоном водянистого картофельного супа. Этого было мало для голодных людей, но все же согрело наши тела, и последовавший отдых помог нам. Я почувствовал себя как бы сильнее после того, как съел свой маленький кусок хлеба, оставшийся от завтрака, с горячим супом.

В тот первый день я не мог понять или проанализировать условия нашей жизни и работы; я ходил и работал как в тумане. Казалось, что чужая, невидимая сила охватила меня и руководила моими движениями. Задолго до конца дня я не чувствовал своего тела. Я отдал бы все, что угодно, за теплый, спокойный отдых. Я заставлял себя двигаться в последние часы, чтобы не разочаровать отца и других членов бригады. Когда день закончился, никто из нас не мог двигаться. В четыре часа нам сказали прекратить работу и собраться на площадке. Мы были довольны, что день закончился для наших тяжело работавших людей без аварий и ранений.

Под бдительной охраной тодтовцев колонну привели в лагерь, и меньше, чем за полчаса, мы оказались перед нашим баракком. После целого дня пребывания на морозе и тяжелой работы с холодным железом все были готовы погреться вокруг печки, но нам было в этом отказано, нас заставили стоять на

морозе до вечерней переключки. Только после того, как эсэсовец – начальник лагеря закончил переключку, нам разрешили войти в барак. Внутри каждый получил паек хлеба с маргарином и горячий кофе. Теперь настала самая трудная часть дня. Я был очень голоден и был готов съесть весь хлеб, часть из которого следовало бы оставить на следующий день. Я знал, что надо сохранить немного. Я отчаянно боролся с собой и разделил хлеб на три куска: один можно было съесть немедленно, второй – оставить на следующее утро, а третий – на завтрашний обед на работе. Под присмотром нашего собственного старосты, моего отца, мы медленно разрезали хлеб. Кусочки, предназначенные на завтра, были завернуты в тряпочку. Разрезание и упаковку хлеба надо было делать очень осторожно, чтобы не было крошек.

Когда мы поели, можно было посвятить немного времени личной гигиене. Я пытался держать в чистоте дедушкину обувь, чтобы продлить ее жизнь. Я знал, что обязан сохранить золотые монеты и фотографию моей матери. Я старался, насколько это было возможно, соблюдать чистоту. Каждый вечер я мыл лицо, руки и иногда грудь. Во время свободных вечерних часов большинство людей отдыхали на своих нарах или рано засыпали; ни у кого не было настроения общаться друг с другом. Я чувствовал определенное сострадание к моему умершему соседу. Позже я понял, что он казался мне знакомым потому, что он был тем очень хорошо одетым джентльменом, которым я часто восхищался по дороге в школу, хотя я никогда с ним не разговаривал. Мне нравились его прекрасно сшитые костюмы, разнообразные красивые галстуки и яркие запонки, которые украшали его рукава. Он, видимо, был юристом, т.к. он всегда был с портфелем и шел в сторону центра Риги. Печально, что такой человек не смог выдержать ужасных условий жизни при нацистском гнете.

В тот же вечер, до того, как я уложил свое уставшее тело, я перекинулся несколькими словами с моим новым соседом по нарам. Он чувствовал себя удобнее, чем в прошлую ночь, когда у него не было своего соломенного

тюфяка. В нашем бараке не хватало спальных мест. Очень скоро все заключенные глубоко заснули, и впереди нас ожидал следующий день.

Я узнал, что в этом лагере была специальная рабочая бригада, которая занималась трупами. Каждую ночь несколько человек умирали во сне. У меня появилась привычка утром проверять верхние и нижние нары, чтобы увидеть, сколько заключенных не поднялись, и каждое утро такие люди были. Мне стало страшно; я знал, что нацисты уничтожают мою молодую жизнь, но я также знал, что я должен сохранять мужество и силу, чтобы бороться с этим злом. Я стал жертвой фанатизма, охватившего немецкий народ. Я также знал, что меня привезли сюда не ради моего дарового труда, как они заявляли, а чтобы уничтожить меня. Наш принудительный труд был ложным прикрытием – на самом деле, это была часть гитлеровского плана уничтожения европейского еврейства. Мне надо было научиться выживанию в окружавшем меня в Вайвара жестоком мире, и я постепенно понял, как обходиться с моим личным психологическим шоком.

Для всех заключенных дни и недели проходили с невероятными трудностями. Нас становилось с каждым днем все меньше. Наши отношения с заключенными из Польши испортились – они считали рижан нежелательными гостями. Большинство рижских и немецких евреев имели мягкие манеры, разговаривали спокойно и были плохо приспособлены к выполнению работы в этом лагере. Заключенные, прибывшие раньше нас из вильнюсского гетто, были постарше, годились для работы, поэтому им легче удалось адаптироваться к суровой жизни. Большинство из них были грубыми, ругались, а нас высмеивали как «прекрасный и нежный класс евреев», не годящийся для трудового лагеря. Может быть, они были правы, за исключением того факта, что мы выполняли работу, которая была неприемлема для любого человека. Работу надо было выполнять без какого-либо оборудования, но, несмотря на трудности, мы справлялись со своими обязанностями. На словах старые заключенные выражали участие и сочувствие к тем, кто прибыл из Кайзервальда, но на деле забывали об этом, когда распределяли людей на менее

трудные работы. Никто из нас ни разу не был послан работать в помещении или на территории лагеря. В конце концов, это не имело значения, т.к. перед нами стояла каждый день одна и та же проблема – борьба за выживание.

В один из наших свободных дней случилась удивительная вещь: я встретил старого рижского друга Вулю. Долгое время мы были так поглощены своими собственными проблемами, что не замечали людей вокруг нас. Я не знал, что Вуля прибыл в Вайвара тем же кайзервальдовским транспортом, что и я. Счастливые, мы обнялись и смогли обменяться только несколькими словами. Мы договорились, что будем пытаться навещать друг друга в наших бараках и вспоминать о нашей жизни в Риге. Так день начался на счастливой ноте, и я надеялся, что он так же и закончится. Затем последовал еще больший сюрприз – было объявлено, что все жители нашего барака будут отправлены в баню. Заключенных отвезли в грузовиках в находящуюся в нескольких километрах постройку, где было большое помещение со многими душевыми головками, раздевалка и комната ожидания. При входе мы отдали свое нижнее белье на дезинфекцию, и после горячего душа пошли в раздевалку, где получили его обратно. Остальная наша одежда была посыпана каким-то порошком. Хорошо было быть снова чистым, так что это был очень приятный день.

На следующий день мы снова вернулись к работе. Еще одна платформа была разгружена, и стальные балки были сложены на мерзлой земле. В четыре часа измученные и голодные люди снова двинулись в сторону бараков. Мы прошли через ворота под бдительным оком тодтовцев и двух эстонских эсэсовцев. Больше всего меня волновал никогда не затухающий костер с высокими языками пламени. Я представлял себе, как дым и яркое красное пламя достигают голубого неба и просят небеса принять их. На самом деле, горячее, дымное пламя с рутинной регулярностью рассеивалось в чистом, прозрачном небе, и никто не обращал внимания на его источник. Я думал, что я один из очень немногих, кто знает, что пламя поглотило много невинных, достойных людей. Если бы только обуглившиеся трупы могли закричать и сказать небесам: «Всемогущий Б-г, почему Ты позволил наши страдания? Теперь прими нас и

спаси жизни угнетенных, оставшихся внизу». Я не мог отделаться от мысли, что когда-нибудь и мое нагое тело окажется в том огне, но мне надо было преодолеть такие мысли, если я хотел выжить. Мне надо было отказаться от постоянной борьбы разума и тела; я слишком ценил свою жизнь. Внутренняя борьба давалась мне с трудом. Я стал угрюмым и впал в депрессию. Временами я был готов сдаться, т.к. не видел смысла в продолжении своего существования. Это заняло у меня какое-то время, но, в конце концов, я понял, что мне надо дистанцироваться от ужасного вида пламени костра. С помощью отца и Бориса мне удалось собраться с силами и вернуться к реальности.

Шло время, и новый феномен охватил лагерь. В результате плохого питания, отсутствия санитарных условий, плохой личной гигиены, так выросла завшивленность, что нам приходилось бить вшей каждый вечер, чтобы очиститься, прежде чем мы могли заснуть. Так у нас появилось что-то новое, чтобы занять время – борьба с вшами. Мы пытались обнаружить всех вшей в нашей одежде и по одной уничтожали их. Они размножались так быстро, что нам не удавалось полностью избавиться от них. По вечерам все сидели на своих местах, на нарах и боролись со вшами. Отец нашел более легкий и эффективный путь избавления от этих крошечных созданий. Мы шли к колодцу в центре лагеря, раздевались наполовину и терли свое белье о наледь, окружавшую колодец. Мы мыли грудь и спину холодной водой. Все это надо было делать быстро, т.к. температура на улице часто была ниже нуля. Этот метод был холодным и неприятным, но очень эффективным.

Из-за морозов мне иногда не хотелось покидать теплый барак, и я готов был пропустить ежедневную встречу с вшами. Но отцу всегда удавалось уговорить меня пойти с ним. Когда мы возвращались в барак, я всегда был доволен, что послушался отца. Мы были единственными, кто использовал этот метод. Вши размножались так быстро, что, только промораживая ежедневно, можно было держать их под контролем. Насекомые могли съесть нас заживо, и я не сразу понял, что они наши такие же смертельные враги, как нацисты. Мне было жаль, что некоторые мои сотоварищи стали жертвами этих паразитов,

питавшихся человеческой кровью. Иногда их становилось так много, что отдельную вошь нельзя было увидеть, а только большие движущиеся серые пятна, состоящие из нескольких тысяч вшей. С нашего белья их можно было соскрести только льдом. И хотя этот метод был ужасно холодным и только на время спасал от укусов вшей, он укрепил способность наших тел сопротивляться суровому зимнему климату.

Однажды утром, когда наша колонна должна была отправиться на работу, нескольких из нас вызвали из строя и послали в другую бригаду, состоящую из почти сотни человек; там не хватало рабочей силы. Руководил этой бригадой пожилой тодтовец с сильно согнутой спиной; он ходил с палкой. Этот надзиратель, имени которого мы так и не узнали, почти не разговаривал с людьми, а те несколько слов, которые он все-таки произносил, были грубыми и злобными. У него было суровое, неприятное выражение лица, дающее понять, что он не хочет никого видеть рядом с собой. Мое впечатление об этом человеке подтвердилось, когда я стал работать под его руководством.

Эта рабочая колонна уже существовала какое-то время, занимаясь строительством дорог посреди пустоши. Рабочие нашей бригады должны были разравнивать землю; это служило бы фундаментом новой дороги. Когда мы прибыли на рабочее место, нам дали лопаты с длинными ручками. Надзиратель приказал нескольким заключенным, включая меня, занять места по всей ширине проектируемой дороги. Я работал очень медленно, потому что я не умел копать промерзшую землю.

Человек с палкой все время наблюдал за тем, как продвигается наша работа. Если ему казалось, что мы работаем медленно, он приказывал, чтобы мы поторопились. Я думал: «Куда торопиться и куда приведет эта дорога? В этом пустынном месте люди не живут – кто будет пользоваться этой дорогой?» Пожилой немец дал всем понять, что он может быть физически опасен. Несмотря на его инвалидность, он постоянно проверял работу каждой группы. Если он считал, что его слова не убыстряют нашу работу, он без колебаний

пускал в дело палку. Бессовестный немец бил рабочих по головам, спинам и ногам. Его сильные побои не ограничивались одним человеком, а он бил подряд всех, кто работал в бригаде. Иногда он переворачивал свою палку и бил другим, загнутым ее концом. Эти побои, хотя и были сильными, не всегда и не полностью достигали цели из-за ватников, которые мы носили. Все же, некоторые люди были избиты настолько, что не могли работать на следующий день. Надзиратель так стремился быстрее выполнить свой дорожный проект, что постоянно кричал на рабочих и бил их. Его нацистские убеждения были так сильны, что он возомнил себя хозяином рабов. Я беспрерывно слышал его громкий голос: «Торопитесь, торопитесь, копайте быстрее; набирайте полные лопаты; двигайте свои лопаты быстрее!» Я думал иногда, что мужчина его возраста должен иметь семью, детей и, возможно, внуков. Как он мог нежно их ласкать той же рукой, которая причиняет боль незащитному человеку? Этот человек ужасно ненавидел евреев, и, казалось, у него не было естественного инстинкта быть внимательным к другим человеческим существам. Он был жестоким человеком и очень хорошо подходил для Третьего рейха.

Однажды наш надзиратель стоял на пригорке, наблюдая, как мы копали землю. Похоже, ему не нравилось то, что он видел. Он вышел из себя и в злобе направился к моей группе. Его палка помогала ему ускорить шаг, и он оказался прямо около меня. Я очень испугался и не знал, что делать или где найти помощь. Я обратился с молитвой к небесам: «О, Господи, услышь мою молитву, не отвергни мою мольбу, пожалей меня; не дай ему причинить мне боль». Я не успел произнести последних слов, как он был позади меня и начал безжалостно бить меня. Я получил множество ударов по голове и спине, а потом он повернулся к другим со своей занесенной палкой. Избивая нас, он кричал: «Грязные ублюдки, вы поднимали пустые лопаты. Вы хотели одурачить меня. Наполняйте свои лопаты доверху, продолжайте копать; быстрее, быстрее». Я собрал все свои силы и копал так быстро, как только мог. Я набирал полную лопату грязи. Он какое-то время наблюдал за нами, а потом ушел проверять работу других групп. Для меня это был страшный эпизод. Тодтовец бил своей палкой изо всех сил, но я был не сильно избит, т.к. мой толстый зимний ватник

защитил меня. Мне было интересно знать, услышал ли кто-нибудь на небесах мою молитву.

Я решил, что мне не удастся продержаться долго, если я не научусь копать без особых усилий. Лучшими учителями были более закаленные члены нашей колонны, так что когда надзирателя поблизости не было, я наблюдал за их техникой копания. Я заметил, что они не поднимают лопату; вместо этого они двигают ее по песчаной земле. Легкий поворот лопаты, и грязь сползает с нее на обочину дороги. Мне этот способ понравился, ибо он имел два преимущества: он требовал меньших усилий, т.к. не надо было поднимать тяжелую лопату, и лопата была постоянно в движении, что и нужно было надзирателю. После некоторой практики я научился этому новому способу работы. Я был доволен, когда через несколько дней меня забрали из этой колонны, и я был спасен от жестокости тодтовского надзирателя. Я вернулся к своей старой работе со стальными балками и воссоединился со своей тройкой. Мой перевод произошел из-за того, что несколько человек были ранены при разгрузке балок; это было несчастьем для них, но большой удачей для меня.

Тодтовские надзиратели на этой работе были толерантными и понимали человеческие нужды лучше, чем мой предыдущий надзиратель. Может быть, они меньше ненавидели евреев, чем тот, особенно жестокий. Не знаю почему, но они не били нас. Они только ругались, но это никого не трогало. Ранения заключенных на работе могли произойти только от нашей собственной небрежности. До тех пор, пока все работали с полной отдачей, проблем не было. Через несколько дней после моего возвращения, однако, был серьезно ранен отец, когда некоторые заключенные ослабили свою хватку при переносе стальной балки, и она упала отцу на ногу. Несколько дней отец испытывал боль и едва двигался, хотя он продолжал ходить на работу и старался изо всех сил помогать другим. В конце концов, он поправился, но потерял один ноготь на ноге.

Прошло несколько месяцев с моего прибытия в Вайвара. Холодная осень сменилась самой холодной за десятилетие зимой. Та зима 1944 г. с минусовыми дневными температурами, оказалась решающим фактором в исходе борьбы на восточном фронте. Находящийся в сотне километров от Вайвара Ленинград был в блокаде в течение 900 дней. Я не знал, что пока я боролся за свое выживание в немецком рабстве, вся родня отца боролась с холодом и голодом в Ленинграде. Во время войны мои родственники переехали из своего родного города Остров в Ленинград. Семья состояла из бабушки и дедушки, Рахили и Кусиэля, двух дядей, Мони и Миши, и моей тети Ревекки. Я мало знал о них; я только помнил, что отец посылал продуктовые посылки в Остров в начале 1930-х гг. К сожалению, бабушка и дедушка не выдержали голода и жутких морозов Ленинградской блокады.

Суровая зима оставила свой отпечаток и на заключенных нашего трудового лагеря. Каждое утро до подъема я видел неподвижные, все еще укрытые тела; люди умирали ночью от голода и морозов. Умирало так много хороших людей; они могли бы хорошо послужить человечеству. Те заключенные, которые были еще способны, медленно двигались на своих рабочих местах, их измученные, опухшие лица выражали утомление. Наша рабочая группа выросла с десяти до двадцати человек, чтобы выполнять ту же работу. Мой бурчащий живот, замерзающие конечности и потрескавшиеся губы были причиной моей прогрессирующей слабости. Добыть дополнительную еду было негде, и я думал, что скоро нам придет конец. Я жил от одного дня до другого; каждый день я вытягивал из себя свои последние силы, чтобы быть в состоянии продолжать работать. Скоро мое здоровье пошатнулось; сзади на шее у меня вскочил маленький прыщ, который скоро превратился в большой заразный нарыв. Он так вырос, что поразил всю мою шею и голову. Я обратился за помощью в лагерную больницу, но лечение не помогло, так что я решил лечить нарыв самостоятельно. В поле я нашел белую тряпку и постирал ее несколько раз у колодца. Когда она высохла, я обернул ею шею. Каждый вечер я стирал тряпку, сушил ее около печки в бараке, что давало мне теплую, чистую повязку утром. Скоро я почувствовал улучшение на шее, и, в конце

концов, мне удалось самому вылечить нарыв. С тех пор я постоянно обматывал свою шею этой рваной тряпкой; было приятно иметь утром хотя бы теплый шарф.

Самая суровая зима десятилетия отразилась и на немецких солдатах в Ленинградском регионе. Поезда за поездами, заполненные ранеными и больными военными всех званий, останавливались недалеко от нашего лагеря для заправки и ремонта. Солдаты участвовали в тяжелых боях на северном фронте; это они держали Ленинград в долгой блокаде. Большинство из них страдали не от ран, а от обморожений. Суровый мороз привел к большим потерям в немецкой армии; в действительности, мороз был одним из главных факторов потерь прекрасной армии Третьего рейха на многих фронтах Советского Союза. Через запотевшие окна вагонов я видел лежащих на полках солдат. Некоторые могли передвигаться, но другие лежали неподвижно на спинах, на узких полках. Внутри и снаружи поезда сновали медсестры. Раненые солдаты часто пели военные патриотические победные песни. Многие выглядели смущенно, когда они видели наших заключенных около поезда. Я уверен, что им было интересно знать, кто мы и что мы делаем в этой изолированной части страны. Мы были счастливы видеть, что эти эвакуируемые солдаты были ранены и больны, мы рассматривали их неудачную судьбу как месть за наши страдания.

В этих санитарных поездах были свои кухни, и когда поезда отбывали со станции, мы часто находили на рельсах еду. Однажды у меня с отцом был серьезный спор, когда один из поездов отъехал после долгой стоянки. Наша колонна была на пути к рабочему месту, и нам надо было пересечь несколько путей, чтобы оказаться у нашего состава. Отец поднял с земли горсть хлебных крошек и еще что-то съедобное; он был очень голоден и был готов съесть все это. Я схватил его за руку и велел выбросить крошки; я пытался объяснить, что еда может быть заражена микробами больных солдат, и что он может заболеть, если съест это. Напоследок я громко сказал: «Я всегда слежую твоим советам. На этот раз ты должен послушать меня. Пожалуйста, выброси эту еду. Лучше быть

голодным, чем больным». Он не ответил, но послушался меня; он медленно высыпал крошки на землю. Он виновато сказал: «Я очень голоден – поэтому я их взял. Я не думаю, что мог бы заболеть от горсти выброшенной еды». На этом наша короткая размолвка закончилась, и все между нами было в порядке. Я поздравил себя с тем, что сумел противостоять сильной воле отца; до этого времени я просто жил в его тени. Мое решение поспорить с отцом и переубедить его доказало, что я выросел быстрее, чем мне казалось. Я теперь был взрослым сыном, способным самостоятельно принимать серьезные решения, и с мнением которого следовало считаться.

Здоровье нашей тройки постепенно ухудшалось. Нашими ужасными противниками были минусовые температуры, непригодная еда и все повышающаяся завшивленность. Я думал, что нахожусь на безнадежном пути к гибели; спасти меня может только чудо от Господа Б-га. Даже золотые монеты, которые я хранил в дедушкиных сапогах, не могли спасти нас. Мы оказались на абсолютно бесплодной земле, в изоляции. На нашем рабочем месте у нас не было доступа к кому-нибудь, кто принял бы наши золотые монеты в обмен на кусок хлеба или несколько сырых картофелин. Вайвара была местом для покинутых людей, как мы, но главное – это было место смерти. Каждый день я тихонько молился о чуде. Каждый прожитый день был драгоценным для меня и двух моих близких людей.

Однажды я услышал объявление о том, что организация Тодт ищет квалифицированных электриков, и я решил получить эту работу. Когда я пришел зарегистрироваться, большая группа заключенных уже собралась перед тодтовским баракком. Надзиратели были удивлены таким большим числом электриков. Только немногие из них, однако, были настоящими электриками; остальные просто отчаянно пытались найти более легкую работу в попытке выжить. Так как тодтовцы были очень подозрительными, они решили поговорить с каждым кандидатом индивидуально. Я был уверен, что не пройду проверки, и в работе мне откажут. Среди кандидатов я встретил своего хорошего друга Вулю. Я знал, что он учился в рижской ремесленной школе, где

обучали, среди прочего, и профессии электрика, и механика. Он знал систему проводной и электронной связи, так что я спросил, не сможет ли он помочь мне, если в этом возникнет необходимость. Он согласился, но сказал мне, что не знает, что ему удастся сделать для меня.

Заключенных стали по одному вызывать в канцелярию для экзамена, и мы с Вулей решили оказаться в числе последних. Когда первые кандидаты стали выходить из канцелярии, мы узнали, что перед каждым был поставлен один и тот же вопрос: как установить проводку для одного источника света, которая контролировалась бы из двух мест. Вуля знал, как это сделать и палкой нарисовал схему на мерзлой земле. Он объяснил мне рисунок, и я старался запомнить его. Наконец, и меня вызвали в экзаменационную комнату, и чудо с небес случилось. Когда меня попросили начертить схему проводки, я сделал это, как опытный электрик, точно так, как Вуля показал мне. Им понравился мой чертеж и мое объяснение на прекрасном немецком языке. Большинство заключенных из Польши не говорили по-немецки, а говорили с немцами на языке идиш, очень похожем на немецкий язык, так что все понимали друг друга.

Руководству Тодта нужны были только два электрика, и приняли на эту работу заключенного из Вильнюса и меня. Мой напарник был электриком, он работал по специальности дома; он очень хорошо подходил для новой работы. Этот молодой человек был одним из первых, прибывших в лагерь из вильнюсского гетто, и был в хорошей физической форме, невзирая на ужасные условия жизни. Возможно, он работал в помещении, на менее тяжелых работах, чем я. Мы встретились с ним после нашего экзамена; он казался очень приятным человеком. Мне было жаль того, что Вуля, будучи настоящим электриком, не был принят на работу. Я поблагодарил его за такую нужную помощь и выразил сожаление, что мы не будем работать вместе. Я пообещал, что попытаюсь как-то отблагодарить его за помощь, но через несколько дней его вместе с другими заключенными перевели в Эреда, и наша долгая дружба внезапно оборвалась. Я никогда не забуду Вулину бескорыстную помощь, которая дала мне еще один инструмент для выживания.

На следующий день мы, два еврейских электрика, были присоединены к группе из трех не евреев: Джон был из Польши, Тони – из Голландии, а третий мужчина, имя которого я забыл, был из Люксембурга. Во главе был тодтовец, но трое электриков относились к нам с сочувствием и помогали нам. Их завербовали в их родных странах, и они работали на немецкую компанию под названием “Licht und Kraft” («Свет и сила»). Их принудительно прислали сюда для установки электролиний и проводки для немецкого СС и жилых помещений тодтовцев, которые состояли из многочисленных барачков. Мы все работали под надзором сотрудников Тодта. С самого начала я должен был быть осторожным, чтобы не показать мое ограниченное знание работы с электричеством. Я смотрел, как работают профессионалы. Мне приходилось притворяться, что работа, которую они выполняют, мне знакома; на самом деле, мне было не трудно ее понять, и скоро я был готов работать с моими напарниками. В начале я им помогал, но позже они позволили мне работать самостоятельно.

Джону было около 30 лет; голос его был грубым. Он всегда добросовестно относился к своей работе и старался сделать как можно больше, чтобы угодить немецким надзирателям. Тони и электрик из Люксембурга были добродушными, тридцати с небольшим лет, людьми. Они никогда не спорили насчет порученной им работы, но не очень-то старались угодить немцам.

Чаще всего я работал с Тони, и мы хорошо ладили. Мы разговаривали по-немецки, что нас сблизило. Он сильно скучал по своей семье в Голландии и показывал мне фотографии жены и двух маленьких дочек. Он интересовался моей жизнью в Риге и судьбой моей семьи. Его ненависть к немцам была так велика, что это часто замедляло мою работу над порученным нам проектом, т.к. Тони доверял мне и делился со мной своими затаенными мыслями. Он признался, что когда ему дадут отпуск, он поедет домой и не вернется; вместо этого, он хочет присоединиться к подпольному сопротивлению в Голландии. Наш напарник из Люксембурга выражал такие же намерения. Джон очень

плохо говорил по-немецки, он чувствовал себя удобнее с другим электриком – евреем, который был из Вильнюса, и с ним можно было разговаривать по-польски.

На моей новой работе мне приходилось много ходить, и я не был против этого. Я был счастлив, что мог передвигаться беспрепятственно, и не был привязан к одному месту. Я чувствовал себя, как свободная птица, которая может летать и искать себе пропитание. Утром мне надо было идти около полутора километров до барака, где электрики встречались со своими тодтовскими надзирателями. Когда нам выдавали задание, мы расходились по одному, или парами, или все вместе, в зависимости от срочности и объема работы. Мы работали в жилых помещениях и на складах немецких оперативных отрядов СС и организации Тодта, которые располагались друг от друга на приличном расстоянии. Немцы жили в бараках, которые содержались в хорошем состоянии заключенными еврейками из нашего трудового лагеря. У этих женщин была довольно сносная жизнь; они работали в помещении, были чище и лучше одеты, чем другие заключенные, и получали достаточно еды, чтобы не голодать. У них также была возможность слушать тайком радио и информировать других заключенных о ситуации на фронте, что очень поднимало наш дух и ободряло нас. Новости распространялись быстро, пока они не достигали каждого в лагере.

Мы ходили на наши различные задания пешком. Дорог не было, поэтому мы шли по проложенным людьми тропинкам по пустым, покрытым снегом, полям. Иногда тропинки были засыпаны снегом, и мы искали дорогу между кустов на пустыре. Я не сразу запомнил, где что находится и как находить разные объекты, чтобы не заблудиться. Когда я, наконец, научился ориентироваться, у меня осталась одна проблема: моя обувь. Сапоги мои развалились от постоянной сырости, и они были заменены парой деревянных голландских башмаков, называемых клумпсами. Мне пришлось учиться ходить в них, и я узнал, что деревянная обувь сильно отличается от кожаной. Чтобы правильно ходить в клумпсах, мне нельзя было сгибать ноги и пальцы, а двигать

ногами надо было медленно, как бы скользя. Ноги приходилось заматывать тряпками, чтобы уберечь их от образования волдырей от грубого дерева внутри башмаков.

Обувь эта защищала мои ноги от холода и сырости, но мешала быстро передвигаться. Выход нашелся, когда мне поручили установить фарфоровые изоляторы на столбах с током высокого напряжения. Чтобы забраться на столб, к обуви приделывали специальные крюки, кошки, но мне для их использования нужна была пара обыкновенной обуви. Моя же обувь была деревянной, и я не мог выполнять эту работу вместе с моими напарниками. Надзиратель часто давал мне пару сапог для работы. Через какое-то время, в качестве поощрения за хорошую работу, мне было позволено не возвращать сапоги, что меня очень обрадовало. Волдыри от клумпсов быстро зажили, но шрамы от них остались по сей день. Все же с тех пор я мог ходить без боли. Моя новая обувь стала следующим местом, где я прятал золотые монеты и маленькую фотографию моей матери.

Однажды, когда я работал на промтоварном складе для СС и Тодта, я заметил на полках махровые банные полотенца. Думая об отце и Борисе, я взял с полки два полотенца и обернул их вокруг груди. Когда я вернулся в барак, я отдал полотенца отцу; он был очень доволен. Утром перед выходом из барака он обернул свое тело полотенцами, чтобы защититься от мороза. На следующий день я украл еще два полотенца и отдал их Борису. Он тоже обернул их вокруг своего тела и чувствовал себя комфортнее, работая на открытом воздухе. Я пытался украсть еще пару полотенец для себя, но когда я заходил на склад, там всегда кто-нибудь был. В конце концов, однако, мне удалось добыть полотенца и для себя; я знал, что если меня поймают на воровстве немецкой собственности, моя жизнь будет в серьезной опасности. Для немцев полотенца были удобством повседневной жизни; для нас они были необходимостью выживания. Они не только согревали нас, но и служили защитой от вшей, которые питались нашей кровью. С того времени мы прекратили свою борьбу со вшами у замерзшего колодца. Вместо того чтобы

снимать нижние рубашки, мы просто снимали полотенца со своих тел и стряхивали их на лед.

Я очень близко познакомился со своим напарником – евреем. Нам двоим повезло гораздо больше других заключенных нашего лагеря, т.к. мы могли свободно знакомиться с тем, что нас окружает. Иногда мы покидали свое рабочее место и навещали близлежащие изолированные хутора. Один из нас всегда был начеку, нет ли вблизи кого-нибудь подозрительного. Хуторяне, до которых нам удавалось добраться, были дружелюбными и готовыми помочь. Они знали, кто мы, так что не надо было объяснять, зачем мы пришли. Некоторые давали нам хлеба, некоторые – картошку; все годилось, и мы всегда благодарили их за щедрость. Еда, которую нам давали, делилась пополам; своей половиной я делился по возвращении в барак с отцом и Борисом. Иногда Тони и электрик из Люксембурга приносили мне что-нибудь из того, чего они не хотели есть. Оба говорили с извинениями: “Мы хотели бы помочь тебе больше, но нам тоже не дают много еды”. Я пытался объяснить, что понимаю их и очень благодарен за все, что они делают. Они всегда как бы оберегали меня на работе; оба говорили: «Отдохни, не торопись, не надрывайся».

Я стремился работать в жилых помещениях немцев, где можно было узнать о том, что творится в мире. Еврейские женщины, работающие там, рассказывали мне о последних политических и фронтовых новостях, которые они узнавали из радиопередач или из подслушанных разговоров между эсэсовцами и тодтовцами. Эта информация давала мне силу продолжать борьбу за выживание и возможную свободу. Женщины говорили мне, что, несмотря на неблагоприятные новости с фронта, немцы все еще ведут себя как фанатичные мечтатели – завоеватели Европы. Их силы отступали на всех фронтах, но все же они не понимали, что никогда не получат желаемых земель.

Со временем я стал человеком, который поднимал дух жителей нашего барака. Многие заключенные ожидали моего возвращения с работы, чтобы узнать, есть ли у меня какая-нибудь новая и обнадеживающая информация.

Сообщения с фронта зимой 1943 г. давали нам силы переживать трудности лагерной жизни. После более чем двух лет военных побед немецкий блицкриг был остановлен. Советские силы начали широкомасштабное наступление на всем протяжении Восточного фронта. Эти атаки вскоре стали настолько сокрушительными для нацистов, что, сопротивляясь, гитлеровские армии были вынуждены отступить. Генерал Паулюс и его армия сдались, и Сталинград снова перешел в руки советских войск. В 1943 г. советские силы быстро наступали на всех фронтах. Одной из жесточайших битв стала Курская битва. Ленинград все еще был в блокаде, и немцы несли там большие потери. В то же время силы союзников готовились к высадке в Нормандии.

Железнодорожные пути недалеко от нашего лагеря были забиты. Постоянно останавливались для заправки санитарные поезда, везущие раненых в Германию. Когда поезда отъезжали, наши люди находили на откосах картошку, морковь и другие овощи. Еда не могла теперь заразить нас, т.к. солдаты были не больны, а ранены. Холода не прекращались, и отцу с Борисом было очень трудно работать целыми днями на морозе. Я пытался добыть им дополнительную одежду, но это не помогало. Холод убил больше заключенных, чем голод. Смертность в лагере значительно выросла; на наших нарах было много пустых мест. Когда прибыл наш рижский транспорт, спальных мест для всех не хватало. Теперь, через несколько месяцев, свободных нар становилось все больше.

К этому времени я опустился ниже низкого. Я потерял всякое чувство достоинства и вместе с некоторыми другими принимал участие в игре на человеческие жизни. Мы заключали пари на то, кто из заключенных умрет следующей ночью. Мы оценивали кандидата на возможную смерть по плохому физическому состоянию и нестойкому психическому поведению. Я привык к мертвым телам, т.к. я видел их на нарах почти каждое утро. К сожалению, первыми умерли немецкие евреи из рижского гетто, которые не могли приспособиться к новым, трудным условиям в Вайвара. К этому времени мое сердце так зачерствело, что трупы меня не печалили. Как ни странно, они мели

противоположный эффект, повышали мое настойчивое желание пережить других заключенных, преодолеть все лишения в трудовом лагере. Я ждал дня нашего освобождения.

Однажды утром отец и Борис что-то долго не вставали. Я не обратил на это внимания, так как, как и все в бараке, торопился одеться, выпить кофе с хлебом и подготовиться к утренней переключке. Когда мы построились на плацу, я заметил, что лица отца и Бориса были опухшими и посиневшими. Я знал, что это были симптомы ухудшения здоровья из-за постоянного холода и снижения способности организма к сопротивлению из-за недоедания. Эти признаки могли значить, как говорили в лагере, «начало конца» человеческой жизни. Я был очень встревожен, я не мог представить себе момента, когда имя отца появится на игральном столе. Невозможно было и подумать, что я буду ставить на жизнь отца для развлечения. Я спросил отца, как он себя чувствует, и заметил ли он опухоль своего лица. Он признал, что чувствовал опухоль на лице, а также и на ногах. Он никогда не жаловался, и я не ожидал, что он скажет что-то неприятное. Он всегда говорил о себе, что могло быть и хуже.

После переключки мы, как обычно, разошлись в разные стороны. Весь день меня волновало, как выглядели отец и Борис. Я решил, что мне надо попытаться добыть для них еды даже ценой собственной жизни; я решил спасти их жизни. Моей целью было найти хуторянина, который согласился бы дать что-нибудь съестное в обмен на мои золотые монеты или какую-нибудь одежду. Я знал окрестности этой местности: каждый куст, каждый человеческий след, все следы саней. К счастью, эсэсовцы и тодтовцы знали меня как электрика, который свободно передвигался из одного места в другое, так что если бы меня обнаружили в каком-то отдаленном месте, это не вызвало бы подозрений. Я стал искать новые следы саней, которые могли бы привести меня к какому-нибудь хуторянину, который меня никогда не видел. К концу дня я заметил свежие следы, ведущие к лесу. Я пошел по этим следам, чувствуя, что они, в конце концов, приведут меня на хутор. Скоро я дошел до леса и оказался окруженным деревьями.

В конце концов, я достиг опушки леса, но следы продолжались. Это было очень дерзко - идти по открытому полю, но у меня не было выбора. В лесу меня скрывали кусты и высокие деревья, а здесь я был полностью на виду; меня можно было заметить издали. Я, наверное, выглядел как темное пятнышко,двигающееся по чистому, блестящему снегу. У меня на уме постоянно были лица моих родителей: мама, как спасительница на небесах, и отец, для которого спасителем должен быть я.

Наконец, вдалеке я заметил хутор. Когда я подошел к дому, я ожидал встретить на покрытом снегом дворе сторожевого пса, но не увидел его. Я постучал в дверь, и хуторянин сразу открыл ее; он какое-то время наблюдал за мной, пока я переходил поле. Он тепло поздоровался и пригласил меня войти. Он заметил мое замерзшее лицо и дрожащее тело и разрешил мне согреться у горячей печки. Он предложил мне горячий кофе и еду. Я поел вкусного домашнего черного хлеба с разными сырами и колбасами. Я был в новинку для этого хуторянина – эстонца, т.к. никто из заключенных лагеря не посмел бы уйти так далеко от него. Он плохо говорил по-немецки, но мы хорошо понимали друг друга. Он знал, что я еврей, и что с нами ужасно обращаются. Я сказал ему, что работаю на немцев электриком.

Я готов был предложить ему золотые монеты, но прежде, чем я успел заговорить, он позвал меня к окну. Он хотел показать мне свой двор и забор, который вел от дома к амбару. Потом он сказал: «Я хотел бы провести электричество в амбар. Видишь фарфоровые изоляторы на заборе? Я их установил, но не смог закончить работу, потому что у меня не было проводов. Можешь ты добыть мне провода в обмен на продукты?» Мне нравилось это предложение, и я подумал про себя: «Если мне удастся договориться насчет проводов, я смогу попридержать монеты для будущих лишений». Мой ответ был деловым: «Сможете вы дать мне масло, сало, хлеб и другие продукты в обмен на провода?» Он согласился, и мы договорились. Я сказал ему, что вернусь с проводами через неделю. Дружелюбный хуторянин знал цель моего

визита с самого начала. Не спрашивая меня ни о чем, он наполнил мои карманы картошкой и кусками хлеба. Я покинул его дом и отправился в лагерь, радуясь тому, что моя первая встреча с богатым хуторянином прошла так успешно. Мое обещание принести ему провода, было дано без всякой мысли о возможных последствиях – фактически я поставил на кон свою жизнь.

Быстро, как только мог, я шагал по открытому полю и был рад, когда дошел до леса. Обратный путь был легче, потому что я знал, куда иду, и дорога была мне знакома. У меня была только одна проблема: я не знал, который час. Солнце быстро садилось, и мне надо было быть в лагере ко времени вечерней переключки. Там, где снега было немного, я пытался бежать, но скоро мне стало вообще трудно двигаться. В дополнение к своему весу, я тащил дополнительный вес картошки и хлеба. Мои ноги ослабели, я потел от изнурения, и мое дыхание превращалось в льдинки на шарфе, прикрывающем мой рот. В конце концов, я вышел из леса и оказался в окружении знакомого низкого кустарника. Мой страх немного уменьшился, но все же я опаздывал. Я был насквозь мокрым, но держался, пока не достиг лагерных ворот.

Заклученные уже стояли на плацу; в отдалении я видел отца и Бориса, они махали мне, показывая мое место в строю. Я поторопился к ним, зная, что я очень опоздал. Отец спросил, где я был, но я только улыбнулся и подмигнул ему. Он быстро понял, что у меня есть много сюрпризов к нашему ужину.

Мы стояли на переключке, а потом вернулись в барак, где наша тройка насладилась угощением, которое я добыл у своего нового знакомого. У нас теперь была дополнительная еда, которой могло хватить на несколько дней.

Неделя шла, и на уме у меня были материалы, которые я пообещал хуторянину. Когда представилась возможность, я украл на работе две коробки проводов. Мне надо было избавиться от них, пока никто не заметил их пропажи. Поэтому я отправился на хутор на следующий день с обеими коробками подмышками. Я знал дорогу, но мне должно было очень повезти,

чтобы меня никто не заметил на открытом месте. Я шел так быстро, как только мог. Глаза мои были устремлены вперед, а мыслями я был впереди своего тела. Я не останавливался, пока не дошел до леса. Только тогда я позволил себе отдохнуть несколько минут и проверить, не идет ли кто-нибудь за мной. Руки мои онемели от груза, но я не обращал внимания; лишь бы мне не пропасть из-за хуторянина, или из-за немцев. Когда я дошел до открытого поля, я снова остановился, чтобы отдышаться и внимательно осмотреться. Все замерло, не слышно было ни звука; в этих краях все замирает зимой. Я пересек снежное поле с новой энергией и решимостью. Хуторянин издали увидел меня и ждал у двери; казалось, что он очень рад видеть и меня, и прохода. Большой мешок с продуктами был уже для меня приготовлен. Мне было сказано, что это первая часть оплаты, и что мне надо придти на следующей неделе, чтобы получить еще. Я взял свою оплату и поблагодарил хуторянина за щедрость. На обратном пути я так прижимал этот мешок к себе, как будто это была самая большая моя ценность. Я сел отдохнуть под сосной в лесу и медленно развязал мешок. Там было масло, колбаса, сыр, хлеб и картошка. К своему изумлению я обнаружил там и самогон; не хватало только сала, которое я просил.

Я был доволен тем, что получил в качестве оплаты. Но передо мной стояла проблема – как и где это все припрятать. Я наполнил карманы и все, что можно, тщательно проверяя, чтобы нигде ничего не торчало. Закончив эту работу, я продолжал свой путь.

Я прошел лес и поспешно пересекал пустошь. Мое сердце так билось, что я чувствовал каждый его удар сквозь мою толстую ватную одежду. Я знал, что если меня поймают с этими нелегальными продуктами, мое существование превратится в кошмар. Я был встревожен, но продолжал свой путь по целине к лагерю. Передвижение по глубокому снегу становилось труднее с каждым шагом. Чтобы отвлечься, я стал разговаривать с кустами: «Куст, ты такой высокий; а ты слишком пышный, слишком толстый для этого места; у тебя слишком много веток; а ты, куст, почти без веток, ты измучен и не переживешь эту зиму; ах, а ты выглядишь лучше всех!» Этот разговор с кустами помог мне продолжать мой путь и сосредоточиться.

Я почувствовал себя лучше, когда приблизился к лагерю и увидел высокое красное пламя от костра. Я поблагодарил невидимую силу, которая защитила меня и подарила силы вернуться во время. В укрытой от ветра деревянной будке у ворот стоял охранник – эстонец; я прошел мимо него с улыбкой и махнул ему рукой. Он улыбнулся в ответ, и я с облегчением прошел через лагерные ворота. Солнце уже зашло, и заключенные готовились к вечерней переключке. Борис подмигнул, а отец улыбнулся мне, когда они заметили мои расширившиеся грудь и бедра и мои натолканные карманы. После переключки мы в волнении пошли в барак, каждый заключенный получил свой дневной рацион и горячий кофе. Потом мы трое устроились на верхних нарах Бориса и начали пиршество – праздник года. Я показал им все, что добыл; мы для удобства аккуратно разрезали все на небольшие кусочки и спрятали все на себе. Такого разнообразия продуктов мы не видели годами. Пока мы наслаждались едой, я рассказал им о своем приключении и о дружелюбном эстонском хуторянине. По очереди мы глотнули самогонки, заедая ее бутербродом с колбасой. Это был незабываемый вечер; мы пошли спать сытыми. Для меня этот вечер был особенным еще и потому, что я сумел помочь отцу и Борису в их борьбе за выживание.

Назавтра началась обычная рутинная жизнь. Страхи прошли, я мог наблюдать плоды своих опасных трудов, что помогли моим родным. Продуктов, которые я принес, хватило на какое-то время. Отец с Борисом каждый день отпивали по глотку самогонки, чтобы не мерзнуть на бесконечном морозе. Через несколько дней опухоль на их лицах уменьшилась, и вернулся нормальный цвет их лиц, что очень радовало меня. Спустя некоторое время, я снова навестил дружелюбного хуторянина. Как и раньше, он был очень щедр; для меня был приготовлен еще один мешок с разными мясными копченостями, маслом, хлебом. На этот раз, однако, он положил еще и большой кусок сала. Эти ценные продукты продлили наши жизни и помогли нам сохранить силы для грядущих невзгод. Мой поклон и глубокая благодарность другу,

безымянному эстонскому хуторянину за его высокое представление о ценностях и его желание помочь другому человеку в нужде.

Когда наступила весна 1944 г., таявший снег мешал мне ходить на большие расстояния. Хоть хуторянин и приглашал меня приходить в любое время, я не мог добраться до него. Открытые поля залило водой, по грязным сельским дорогам пешком было не пройти. Отец с Борисом все еще не могли покинуть свое рабочее место, поэтому я стал единственным добытчиком дополнительного пропитания для нашей тройки. Теперь, благодаря полученной помощи, мы были в хорошей физической форме. Я был осторожен со своим неограниченным свободным передвижением по окрестностям и не хотел портить свои хорошие отношения с тодтовскими надзирателями и моими напарниками. Иногда, по пути на работу или с работы, я заходил к другим хуторянам. Они привыкли к тому, что их навещали голодные заключенные лагеря; поэтому они не были очень щедры, а иногда и ничего мне не давали. Иногда удавалось выпросить несколько картофелин или небольшой кусок черствого хлеба. Даже этого было достаточно, чтобы частично заглушить наш голод; каждый маленький кусочек съестного помогал. Все, что я приносил в лагерь, надо было прятать от других заключенных, так что мне надо было быть осторожным, чтобы не вызвать чьего-нибудь подозрения в нашем бараке. Хоть это и было трудно, мне удавалось держать продукты в тайне. Было тяжело видеть моих друзей голодными, и я все больше сознавал, как мне повезло.

Мои мечты о весне сбылись. Солнце стало слегка согревать наши изношенные, тощие тела, и я ждал дня, когда мы сможем скинуть хотя бы часть нашей жалкой зимней одежды. Движение на железной дороге активизировалось; мимо лагеря один за другим проходили немецкие санитарные поезда, наполненные больными и ранеными солдатами. Они иногда пели знаменитый немецкий гимн «Deutschland, Deutschland über alles». Мы также слышали стоны тех, кто не мог встать. Те, кто двигались, глазели на нас сквозь окна, как будто мы были дикими зверями. Затормозившие на железной дороге стимулировали продолжение нашей борьбы за выживание. Успехи советских

военных на фронте чувствовались в Вайвара, тяжелые бои приближались, на радость нам, к концу. Несмотря на все немецкие потери на фронте, демонтаж советских промышленных предприятий продолжался в полную силу. Непрерывно прибывали открытые платформы, груженные стальными балками и брусьями; отец и остальные заключенные разгружали их. Я мечтал, что радостный конец моей трагической истории наступит к лету. Дух в лагере был на высоте, но, к сожалению, постоянный голод уменьшал надежды.

С приходом тепла изменились и мои рабочие условия. Тони собирался в отпуск в Голландию, и электрик из Люксембурга тоже готовился к отъезду домой. Оба были счастливы уехать из Эстонии, возвращаться они не собирались. Теперь я работал только с Джоном и другим электриком – евреем. Нам приходилось работать очень много, специалистов же становилось меньше. Единственный оставшийся прораб Джон становился все требовательнее и следовал за нами на все рабочие точки, что не давало возможности моему напарнику и мне заходить к хуторянам в поисках еды. Когда Джон был в подпитии, он становился очень яростным. Он хотел вернуться в Польшу, но его не отпускали. Он мог получить отпуск только после того, как вернется Тони, но я знал, что этого не случится, и Джон останется здесь. Организация Тодта разработала для региона обширный план развития. Уже были построены несколько бараков, и в них надо было провести электричество. Джон был недоволен этими дополнительными заданиями и иногда срывал свое раздражение на мне. Я очень старался угождать ему, убеждая, что всю работу мы закончим на радость нашим надзирателям. Он был в очень плохом настроении и несчастлив в Эстонии, завидуя своим друзьям, уехавшим домой. Мой напарник – еврей умел с ним ладить, и ему всегда удавалось сгладить разногласия.

Однажды я получил задание починить проводку в жилых помещениях нескольких эсэсовцев высокого ранга. Это был один из моих самых приятных дней, который начался на позитивной ноте, а закончился очень печальным происшествием. Квартиры этих эсэсовских офицеров находились в нескольких

километрах друг от друга, и Джон не сопровождал меня. Я с легкостью выполнил все ремонтные работы задолго до конца рабочего дня. Мне удалось дошлепать до хутора, где я получил несколько картофелин. К концу дня я, посвистывая, шел по открытому полю. Я любил это делать и в течение дня. Я вернулся в лагерь с мыслями, что наше трио сегодня вечером не будет голодным; после долгого времени без дополнительной еды мы насладимся картошкой, испеченной в печке барака. Когда я вошел в барак, однако, передо мной встал самый серьезный в моей жизни вопрос.

Отец ждал меня, чтобы сообщить, что его и Бориса должны перевести в другой трудовой лагерь в нескольких сотнях километров отсюда. Я был ошарашен такой неожиданной новостью. В течение нескольких минут надо было решить, присоединиться мне к ним, или остаться в Вайвара и продолжать наслаждаться моей хорошей работой и сносным положением с едой. Я знал, что мне нельзя разлучаться с отцом ни в коем случае. Он был доволен, когда я сказал: «Я поеду с тобой и не оставляю тебя». Новый лагерь находился в маленьком городке Сонда, где мы должны будем работать на лесопилке. Уже была создана и готова к отправке рабочая бригада из двухсот заключенных. С большим трудом мне удалось присоединиться к этой группе. Тот факт, что был электриком, затруднил положительное решение о моем переводе, но мне снова повезло. Я был доволен, что наша тройка выжила в этом ужасном лагере, и мы будем вместе, что бы нас не ожидало.

Сонда, мой следующий дом

Мой последний день в трудовом лагере Вайвара начался, как всегда, с пробудки до рассвета, утреннего умывания, черного кофе с остатками хлеба и утренней переключки, которую проводили начальник лагеря и его еврейские подчиненные. После переключки отобранные к переводу люди были собраны, и моя эра в Вайвара близилась к концу. В лагерь прибыли армейские грузовики с вооруженными эстонскими солдатами СС для нашей транспортировки в новый

трудоустройстве в лагерь Сонда. Мы залезли в грузовики и поехали. Мое желание жить окупилось; в Вайвара моя воля выжить подпитывалась нечеловеческими страданиями и превратилась в способность бороться с голодом и физическим надругательством. Я не жалел о своем выборе покинуть лагерь, т.к. был уверен, что каждый день может предоставить другую возможность самосохранения, и я дождусь свободы.

Через несколько часов езды по проселочной дороге мы приехали в наш новый лагерь, который состоял из одного единственного барака с большим плацем перед бараком. Вся территория была ограждена высоким забором из колючей проволоки. Барак был новым, и в нем было все необходимое; все было новым и чистым. Как и в Вайвара, наши постели были на двухэтажных нарах с соломенными тюфяками. Начальником лагеря был молодой эсэсовец нижнего ранга из оперативного отряда. Старостой лагеря и его помощником были молодые мужчины из Вильнюса, которых я никогда раньше не встречал. По профессии староста был мясником, а его заместитель – парикмахером; оба были грубыми, хитрыми типами. Среди всех заключенных только наша тройка и молодой человек по имени Генри были рижанами; остальные были из Польши. Важно, что большинство заключенных были мясниками из Вильнюса; это была избранная группа здоровых людей в хорошем физической форме. Среди нас была еще одна тройка – 13-ти летний мальчик со своим отцом и дядей. Это трио, как и наше, держалось вместе и делилось скудной едой.

После нескольких дней отдыха мы были готовы к работе. Я предложил себя в качестве электрика, но мне было отказано, т.к. на лесопилке были свои электрики. Скоро нам стало известно, что мы будем работать не на лесопилке, как нам говорили, а будем валить лес, чтобы снабжать лесопилку необходимым строевым лесом. Только местные эстонцы работали в помещении лесопилки; эсэсовцы в Вайвара обманули нас, чтобы без проблем заполучить нужных им сильных, здоровых рабочих. Нас послали в лес небольшими группами; нам надлежало стать лесорубами. Мы валили деревья, грузили бревна на повозки для доставки на лесопилку. Я работал с отцом и Борисом; мы освобождали

поваленные деревья от веток, работая пилой или топором. Эта ручная работа требовала силы.

Порядок жизни в нашем новом лагере был таким же, как в Вайвара, но условия жизни были гораздо лучше. Барак был чистым и не так густо заселен, с хорошим местом для мытья. Проблема со вшами значительно уменьшилась, и нам не приходилось ежедневно заниматься борьбой с ними. Раз в неделю нас посылали в баню в город. Все в бараке старались содержать его в чистоте, а также уделяли внимание личной гигиене.

Сонда находилась в гуще эстонских лесов, что было идеальным местом. Кроме лесопилки, в городе была скотобойня, которая, благодаря хорошим отношениям между начальником лагеря и еврейским старостой, тайно поставляла в лагерь мясные обрезки. Мы были радостно взволнованы, часто находя небольшие кусочки мяса в своем супе. Но больше всего выгоды имели еврейский лагерный староста и его заместитель. Мне говорили, что они вместе с начальником лагеря ели толстые куски мяса и другие вкусные блюда.

Молодой эсэсовский начальник лагеря имел в бараке свою квартиру и не гнушался общаться с заключенными. Я считал его куском мяса с почти двухметровым телом и очень малым количеством мозговых клеток; мы, заключенные, часто звали его «головка сыра». Этот нижний чин понимал, возможно, что его могли послать на фронт, и он стал бы еще одной немецкой потерей в войне; вместо этого он состоял в элитной эсэсовской оперативной группе, и ему повезло быть вне боев. Он был «кем-то» среди слабых, беспомощных заключенных евреев. В Сонда он мог наслаждаться свежим, чистым деревенским воздухом и показывать свою неограниченную власть над заключенными лагеря. Он часто ездил в город, чтобы удовлетворять свои сексуальные потребности с местными эстонскими девушками, которым он преподносил себя храбрым немецким солдатом.

Условия жизни в лагере зависели от старосты и его помощника, которые умели ладить с молодым, неопытным начальником лагеря. По большому счету заключенные выигрывали от их хороших отношений, но страдали от голода. Кормили нас не достаточно для выполнения тяжелой работы, выпавшей на нашу долю. У нашей тройки в этом маленьком изолированном лагере была дополнительная проблема: мы оказались в окружении сплоченной группы вильнюсских евреев. Иногда с ними было трудно жить, на нас смотрели свысока из-за нашего идиш диалекта, из-за того, как мы выполняли свою работу или из-за наших привычек, которые им не нравились. Эти заключенные не стеснялись смеяться над нами, и их превосходство и нетерпимость к нескольким заключенным из Риги стала невыносимой. Они держались особняком и выражали нам свое пренебрежение, не признавая, что у всех у нас одна судьба. Суровая жизнь в Вильнюсском гетто и трудовых лагерях ужесточила их отношение к другим заключенным в попытке самосохранения. Они оценивали людей не по способностям, а по их физической силе.

Чтобы преодолеть наши общие недоразумения, отец пытался дружелюбно и спокойно поговорить с заключенными из Вильнюса, но его попытки не увенчались успехом. Мы думали, что их необоснованная ненависть к нам со временем пройдет. Я вспоминал, как, будучи маленьким мальчиком, в Риге, часто слышал слова «вильнюсские кацовим» (вильнюсские мясники), которые употребляли, когда говорили об особенно грубых людях или о тех, кто пользовался ругательствами в повседневной речи. Я не понимал полного значения этих слов до той поры, пока мне пришлось жить и работать рядом с такими людьми.

В конце концов, две вещи изменили поведение вильнюсских мясников, как мы их называли. Во-первых, они поняли, что наша тройка была способна работать в лесу наравне со всеми. На самом деле, наша работа вызывала у них большое уважение. А второе – отец подружился с помощником старосты. Они оба интересовались политикой и в выходные дни обсуждали международные дела и возможные результаты окончания войны. Эта дружба была замечена

вильнюсскими заключенными, что привело к более дружеским отношениям. Нас больше не считали чужаками в нашем трудовом лагере.

К сожалению, судьба Генри, четвертого заключенного из Риги, была другой. Он был одиноким, энергичным молодым человеком, за плечами которого был очень негативный опыт отношений с себе подобными в предыдущих лагерях. Генри очень ослабел от недоедания, и он был не в состоянии работать в лесу наравне с остальными заключенными. Иногда он уходил с места работы в поисках хуторов в окрестностях, где он мог бы добыть дополнительную еду. Скоро его напарники стали считать его непокорным и ленивым. Однажды он ушел с работы, нашел хутор, где ему дали несколько сырых картофелин. Когда его группа вернулась с работы, он был обыскан охранником у ворот, и в его карманах была найдена еда. Его задержали, а потом поставили на плацу перед заключенными во время вечерней переключки. Начальник лагеря обвинил Генри в том, что он противозаконно покинул место работы в поисках еды. Генри пытался защищаться, объясняя, почему он был вынужден попрошайничать, но эсэсовцы были не в настроении слушать и стали избивать его кожаной плетью. Было ужасно видеть его залитое кровью лицо.

После продолжительной порки Генри утащили в бункер, построенный для содержания наказанных заключенных. Это была как бы большая собачья конура, засыпанная землей; видна была только дверь с засовом. Снаружи это выглядело как бомбовая цель. Генри бросили вовнутрь и заперли за ним дверь. Он был одет, у него было одеяло, но ему не давали ни воды, ни еды, ни дополнительной постели в течение двух дней. Когда охранники, в конце концов, открыли дверь, чтобы покормить его, Генри лежал на песчаной земле мертвым. Этот молодой, с мягкими манерами человек, бежавший из нацистской Германии в Ригу с родителями в конце 1930-х гг. и затем потерявший их в одном из концлагерей, встретил свою ужасную смерть в пустынной части Эстонии. Я сердито спросил себя: «Это кто-нибудь из вильнюсских евреев донес на него властям, что привело к его смерти, только потому, что он был немецким евреем из Риги?» Такое бесчеловечное отношение было трудно

терпеть; Борис и отец тоже очень переживали из-за этой трагической смерти достойного молодого человека. Мы не пытались обсуждать это с вильнюсскими заключенными, т.к. мы опасались за собственную безопасность; мы перестали думать и говорить об этом. На несколько дней инцидент потряс наиболее социально сознательных заключенных, и настроение в бараке стало заметно напряженнее. Но это состояние постепенно исчезло, как будто ничего не случилось. Наша жизнь вернулась к повседневной рутине, но память о молодом еврее по имени Генри не покидала меня.

Наша изнурительная работа в лесу продолжалась. И хотя уже приближалась весна 1944 г., в лесу это не чувствовалось. Высокие сосны не пропускали теплые солнечные лучи, которые не могли достигнуть покрытой снегом, промерзшей земли. Я все еще был одет в жалкую, изношенную одежду, которая очень плохо защищала меня от холода. В рабочее время мы разводили костер и иногда подходили погреться; во время перерыва все собирались около костра. На грузовике привозили высокий бидон с супом, нашу единственную дневную, теплую трапезу. Суп был водянистый, но иногда кому-нибудь попадались мясные волокна и раздавленная картошка. Благодаря пожертвованиям мяса из местной скотобойни, пища наша была питательнее той, что мы получали в Вайвара. Супа и куска хлеба было недостаточно, чтобы утолить постоянный голод; но все же в этом лагере смертей от голода и холода не случалось. Я был благодарен, что не вижу большого костра из тел заключенных. У меня не было возможности добывать дополнительную еду на стороне; помня судьбу Генри, я не смел стучаться в дома хуторян.

Со временем голод наш усилился. Однажды отец сказал мне, что нашел решение проблемы. «Я думаю, что могу доверять парикмахеру», - сказал он, имея в виду помощника старосты лагеря. «Мне кажется, что он тот человек, с которым можно иметь дело». «Что ты задумал?» - спросил я. Он ответил: «В последние несколько недель мы часто разговаривали с ним, и он рассказал мне о своих тайных делах с городской скотобойней для улучшения здешнего питания». После паузы он продолжал: «Как ты думаешь, не дать ли ему одну из

наших золотых монет в обмен на остатки мяса или хлеба?» «Это очень хорошая идея. Одного я только боюсь – он может предать нас», - сказал я, снова думая о Генри. После некоторого обдумывания я согласился с отцом, что нам надо рискнуть одной из пяти золотых монет, которые я носил в сапогах. Я подумал, что если возникнут какие-то проблемы, отец мог бы сказать, что нашел монету в Вайвара.

Во время следующего разговора с парикмахером отец сказал, что он может раздобыть старую русскую десятирублевую золотую монету в обмен на что-нибудь мясное. Парикмахер без колебаний согласился на предложение отца и обещал принести в обмен на монету несколько кусков съедобного мяса. Наша тройка очень боялась подвоха, но скоро стала получать небольшие тайные свертки с запеченным мясом, которое сразу можно было есть. Большая часть этого была не мясом, а, скорее, кусками субпродуктов: печени, легких, почек и желудка. Мы были не против, коль скоро это было съедобно и утоляло наш голод. Отец был доволен, что наши дела с руководством лагеря были успешными, и наши тревоги оказались напрасными. Каждые несколько дней парикмахер тайно передавал отцу обещанные свертки. Наша борьба за выживание продолжалась.

Через несколько недель помощник старосты сказал моему отцу: «Это последний сверток. Работники скотобойни больше не дадут мне ничего за твою монету». Отец ничего не ответил и поверил помощнику старосты, хотя мы получили меньше, чем договаривались. Настоящая цена этих субпродуктов составляла малую толику от цены русской царской монеты, но для нас, угнетенных и голодных, золото не имело ценности, оно было не съедобно. До этого времени у нас не было возможности использовать ценные монеты, чтобы улучшить безнадежное состояние нашего здоровья. Отец, Борис и я могли умереть от голода, пока монеты лежали нетронутыми в моих сапогах, так что мы были счастливы утихомирить наши голодные боли приготовленным мясом, будь это легкое, почка, или кусок желудка, все равно. После долгих размышлений отец обменял другую золотую монету; опять мы получали

запеченные субпродукты, которые скотобойня обычно выбрасывала. Эти отбросы дали моим близким и мне новый толчок к жизни, улучшив наше моральное и физические состояние и дав нам надежду.

В конце концов, солнечные лучи проникли сквозь густые ветви сосен, и мы могли снять, наконец, нашу старую, изношенную зимнюю одежду. Снег растаял, и появилась трава с дикими цветами на лесных опушках. Как и природа, наши люди оживали на солнечном тепле. Они наслаждались лучами солнца и свежим запахом сосен. С изменением погоды заметное изменение произошло и в отношении наших напарников к нашей тройке. Нас перестали изводить, и мы помогали друг другу, как члены дружной семьи. Нас избегали несколько месяцев, а теперь нас связывала дружба.

Отец еще договаривался с помощником старосты, и вскоре у нас осталась только одна золотая монета. Отец получал маленькие свертки с мясом в разное время и в разных местах, чтобы не вызвать подозрений других заключенных. У помощника старосты, в конце концов, сложилось необоснованное убеждение, что у отца спрятано целое состояние золотых монет. Мы поняли, что он решил найти их, не причиняя нам вреда, потому что часто, возвращаясь с работы, мы находили свои нары перерытыми. Только тогда мы поняли, что кто-то пытается найти наше предполагаемое богатство, думая, что оно спрятано в наших соломенных тюфяках. Мало было того, что мы отдали ценные монеты почти задаром, теперь кто-то от жадности хотел завладеть ими, ничего не давая взамен. Мы не знали, кто нас обыскивал, но кроме парикмахера делать это было некому, т.к. обыски происходили, пока все были на работе. Невозможно было обыскивать чью-либо постель, не ставя в известность старосту или его помощника. В любом случае, кто бы ни искал наши монеты, был, возможно, разочарован.

Тот, кто искал наше богатство, обыскивал даже нашу одежду в бане. Однажды в пятницу, когда мы вернулись в раздевалку из душа, мы увидели, что карманы наших штанов и курток были вывернуты, а носки вынуты из сапог.

Наша последняя золотая монета найдена не была, т.к. я завернул ее в тряпочку и затолкал в носок сапога. Если бы вор потряс мои сапоги, она могла бы выпасть. Нам надо было обхитрить нашего врага, чтобы не лишиться монеты. После этого случая, когда бы мы ни ходили в баню, мы никогда не заходили в душевую вместе. Кто-нибудь из нас обязательно был начеку, и нашу одежду и обувь больше никогда никто не трогал. Отец продолжал свои дружеские отношения с помощником лагерного старосты, но перестал обращаться к нему с просьбами о еде, т.к. боялся навредить нам. Он дал понять парикмахеру, что золотых монет больше нет.

Заключенные нашего трудового лагеря восхищались лагерным старостой и его помощником за то, что они добывали более удобоваримую еду и сумели создать более спокойную обстановку в лагере и на наших рабочих местах, чем мы испытывали в предыдущих трудовых лагерях. После трагической смерти Генри больше потерь от «несчастных случаев», таких, как от голода или жестокого обращения, не было. Заклученные были спокойны и, впервые за долгое время, думали о лучшем будущем. Я снова видел себя свободным человеком, но нашим мечтам скоро был положен конец.

В конце августа 1944 г. по лагерю прошли слухи, что из-за быстрого наступления Советской Армии на фронте, наш трудовой лагерь будет эвакуирован. Через несколько дней эти слухи подтвердились. Рано утром нам было приказано собрать свои пожитки и оставить их на нарах. Заправив постели, мы вышли из барака на утреннюю переключку. Я обратил внимание на то, что вокруг забора к нашим охранникам присоединились эстонские солдаты. Начальник нашего лагеря и еврейские администраторы занервничали и стали совещаться между собой. В конце концов, начальник лагеря объявил, что ожидаются с проверкой высшие чины СС.

Вскоре в ворота въехали военная легковушка и покрытый брезентом грузовик. Из машины вышли несколько офицеров высокого ранга из оперативной группы. Откинулся задний борт грузовика, и оттуда выпрыгнули

вооруженные автоматами немецкие эсэсовцы. Мы поняли, что сейчас с нами произойдет что-то ужасное, и сразу вспомнили резню в еврейском гетто Риги. Нам было велено стоять смирно во время переключки. Это означало, что мы не могли двигаться или говорить; я смотрел на отца, а он на меня. Я обменялся взглядами с Борисом; мы как бы прощались друг с другом. Я чувствовал себя во враждебном окружении: нервный начальник нашего лагеря, вновь прибывшие офицеры СС, вооруженные до зубов эсэсовские солдаты. Наконец, старший по званию офицер, сопровождаемый начальником нашего лагеря, пошел по рядам заключенных, внимательно осматривая внешний вид каждого. Он выбирал свои жертвы, поднимая руку и, указывая пальцем, говорил: «Ты, выходи; иди к грузовику». Оба немца шли медленно, внимательно выбирая людей. Я смотрел вперед и мог только слышать с расстояния: «Ты, выходи; ты, выходи; иди к грузовику».

Громкие, убийственные слова эсэсовского офицера быстро приближались. Я замер, казалось, что мое сердце бьется тысячу раз в минуту. Я старался думать только об одном: о судьбе моего отца. Я думал: «Что мне делать, если вызовут отца? Идти мне с ним, как я всегда делал раньше, или пусть он идет один на верную смерть? Что мне делать?» Я надеялся, что до этого не дойдет. В этот критический момент моей жизни я думал только об отце. Я не мог думать о себе, потому что был в полном шоке. Офицер медленно приближался с правой стороны, вглядываясь в каждого заключенного. Его распоряжения, отдаваемые лающим голосом, так глубоко тонули в моем сознании, что я, стоя как приклеенный к своему месту, думал, что сойду с ума. Выбранные заключенные покидали строй и медленно шли к грузовику. Я хотел молиться Б-гу за нашу безопасность, но мой опыт подсказывал, что все боги покинули меня и мой народ. Некоторые боги, похоже, поддерживали нацистов. Чтобы молиться за свое спасение, я мог надеяться только на мою бессмертную маму на небесах; она была единственной богиней, которую я мог звать на помощь в этот решающий момент.

Я не успел произнести молитву, как услышал голос эсэсовца: «Ты, иди к грузовику». Он указывал на мальчика из другой тройки, который не пошевелился. Офицер сказал: «Давай, давай». Но едва он успел закончить словами «иди к грузовику», как отец мальчика прервал офицера и сказал: «Это мой сын. Пожалуйста, оставьте его здесь со мной». Эсэсовец не обращал внимания и опять приказал мальчику: «Живее, живее; иди к грузовику». Вдруг над плацем раздался громкий, плачущий детский голос: «Папа, папа, папа!» «Я хочу пойти со своим сыном», - сказал отец мальчика. «Можешь идти с ним», - заметил офицер; оба они, держась за руки, покинули наш строй и исчезли под тентом военного грузовика. Эта потеря очень опечалила меня. Я часто удивлялся, как мальчику удалось выдержать суровую лагерную жизнь в Вайвара. Он вместе со своим отцом и дядей прибыл туда задолго до нашего транспорта из Риги.

Отбор продолжался. Офицер прошел мимо дяди мальчика и остановился перед моим отцом. Я заметил, что отец немного надул свои впалые щеки и выпрямился, насколько мог. Он старался выглядеть лучше, и на его напряженном лице можно было увидеть желание жить. Эсэсовец медленно отошел от отца, не указав на него. Я почувствовал облегчение. Я думал: «О Боже, отец спасен». Потом немецкий офицер приблизился ко мне, и я тоже надул щеки. Я очень боялся его, потому что он мог закончить мою жизнь, указав на меня пальцем. Он на долю секунды задержал на мне свой взгляд и прошел мимо, направляясь к Борису. Я замер, а потом заметил, что он прошел мимо моего кузена и медленно удалялся. Я думал только о том, что Борис и отец спасены.

Вдоль строя снова были слышны слова эсэсовского офицера: «Ты, иди к грузовику». Когда он и начальник лагеря достигли конца строя, в грузовике оказались двадцать заключенных. Не откладывая, оба подошли к остальным офицерам. После короткого разговора офицеры отсалютовали «Хайль Гитлер» и уехали. Солдаты, стоящие у заднего борта грузовика, закрыли ворота. Грузовик уехал. Мне видна была пыль, поднятая грузовиком; через несколько

минут все исчезло из вида. Двадцать невинных мужчин, которые составляли 10% населения нашего лагеря, были на пути к уничтожению. На их безмолвной братской могиле где-то в лесу около Сонда никогда не будет никакого знака или упоминания о людях, совершивших ужасное преступление. Это истребление невинных людей было известно как «десяти процентное решение».

Начальник лагеря вернулся и распустил нас, но никто не двигался с места. Мы стояли, как деревянные солдатики, приклеенные к земле. Староста оглянулся вокруг и стал кричать: «Что вы все стоите? Двигайтесь, двигайтесь; идите в барак». С возмущением и печалью заключенные стали расходиться. Все были в напряжении, думая о том, что только что случилось. Этот неожиданный эпизод никто из нас не забудет никогда. Позже, в другом эвакуационном лагере, я встречал заключенных из других трудовых лагерей, которые рассказывали, что штаб гестапо в Берлине приказал уменьшить число заключенных в каждом еврейском трудовом лагере на 10%, прежде чем транспортировать всех в Германию. До завершения поспешного отступления немцев из балтийских стран были уничтожены сотни еврейских жертв.

Наши люди покинули плац, как будто они возвращались с похорон дорогого друга. Я без слов обнял убитого горем дядю мальчика. Ведь этот несчастный потерял только что брата и 13-летнего племянника. Я зашел в барак, где стояла гробовая тишина. Никто из нас не мог еще полностью осознать, что случилось на плацу. Все оплакивали несчастных людей, чьи жизни оборвались по указанию пальца. Нам всем казалось, что мы вернулись с небес, и нам даровались новые жизни. Отец сел на нары и вытер со лба холодный пот. «Ох, что за переключка. Я ее никогда не забуду», - шепнул он мне. Борис снял свою куртку. Весь он был насквозь мокрый от пережитого. Со временем наша боль постепенно утихла, люди стали переговариваться шепотом, как будто нас заключили в место, где наши обычные голоса были запрещены. Наша тройка была счастлива, что мы живы, и встретим вместе свое неопределенное будущее.

Мой последний день в Сонда был еще далек от завершения. Во второй половине дня началась наша эвакуация. Каждому заключенному выдали кофе и хлеба больше, чем обычно. После еды нам снова приказали построиться на плацу для второй в этот день перекички. Лагерь окружили вооруженные эстонские солдаты СС, видимо для того, подумал я, чтобы никто не сбежал. Состоялась еще одна перекичка, пока заключенные стояли по 5 человек в ряду, готовые покинуть лагерь. Солдаты окружили нас; во главе с начальником лагеря мы прошли лагерные ворота и направились в сторону маленькой железнодорожной станции Сонда. Когда мы дошли до нее, я заметил на путях знакомые товарные вагоны, готовые к нашей эвакуации. Заключенных распределили поровну по вагонам, и наша тройка оказалась вместе с заключенными, с которыми мы работали в лесу. Мы хорошо знали друг друга и чувствовали себя одной большой семьей; я был доволен, что оказался вместе с друзьями. Нам приказали залезть в вагоны. Когда все расположились, эстонские охранники дали в вагон парашу, задвинули тяжелые двери, и мы оказались на пути в Германию. Охранники сопровождали нас в своем удобном пассажирском вагоне.

Я покинул богом забытую землю Эстонии, не увидев ни разу ее природы в полном цвете, не услышав ни единой птичьей песни. Я прошагал километры по открытым пустынным местам и густым лесам, но я никогда не видел ни одного следа диких животных. Я оставил в безымянных могилах моих погубленных сограждан и уехал с этой земли, где я пережил самые ужасные дни в моей жизни. Зачумленное холодом, нескончаемым голодом, это место возродило самые темные страницы в истории человечества. Все, что было здесь пережито, останется со мной до конца моих дней.